

— Се Линъи, — тот замолчал на полуслове, и воздух вокруг словно стал холоднее, — неужели никто не учил тебя, что язык мой — враг мой?

— Генерал, к чему такая напряженность? — Се Линъи, казалось, вовсе не заметила скрытой в его словах угрозы. Она достала из рукава алый шелковый платок с вышитыми золотыми нитями камелиями и протянула его ему. Её голос звучал мягко и непринужденно: — Моя бабушка ещё вчера перебирала рукописи вашего покойного отца, господина Пэя, изучая его трактаты о государственном управлении и благе народа. Сегодня, увидев доблесть юного генерала, я поняла, что семейные традиции не лгут.

Она сделала небольшую паузу и добавила с той же мягкостью:

— Учитывая давнюю дружбу наших семей, полагаю, я не буду слишком дерзкой, если назову вас братом?

Видя, что Пэй Чжаохэн молчит, она продолжила:

— Что касается того интенданта Го, по его трусливому поведению сразу видно, что он не из тех, кто способен на великие дела. Задерживать его сейчас — лишь спугнуть змею. Лучше отпустить, тогда, возможно, удастся выйти на след и найти в городе доказательства. Убьем двух зайцев одним выстрелом.

Она подняла взгляд и посмотрела прямо в его темные, словно омут, глаза:

— Генерал со мной согласен?

Тот принял платок, кончиками пальцев коснулся ткани, но не стал ничего вытирать, а просто сжал его в ладони. Затем он поднял руку и, соблюдая этикет молодых людей из знатных семей, отвесил вежливый поклон:

— Пэй Чжаохэн из рода Пэй западной ветви приветствует госпожу Се. Надеюсь, ваша бабушка здорова?

— Благодарю юного генерала за заботу, — Се Линъи ответила на поклон. — После ухода со службы бабушка живет в уединенной усадьбе, любит цветы и читает сутры. У неё всё хорошо.

— Ситуация критическая, боюсь, у нас нет времени на светские беседы, — Се Линъи взглянула на восток, где небо уже начало окрашиваться в бледный сероватый цвет. — Дождь прекратился, скоро рассвет, и обоз с продовольствием будет здесь с минуты на минуту. Генерал, не желаете ли войти в город вместе со мной?

— Я останусь здесь с людьми, чтобы немного привести всё в порядок. Прошу вас, госпожа, первой войти в город и позаботиться о людях. И ещё: прошу вас сохранить в тайне моё прибытие в Ланьян.

Се Линъи кивнула и, взяв с собой дядюшку У и остальных, направилась прямо к залитому кровью полю боя.

Грязь и кровь мгновенно запачкали подол её платья и обувь, но она словно не замечала этого. С суровым выражением лица она медленно опустилась на колени перед телом генерала Лу Сяоханя.

Дядюшка У и остальные последовали её примеру, совершив торжественный обряд трех поклонов. Люди в черном также склонили головы.

Закончив обряд, Се Линъи приказала двум телегам с зерном и части людей двигаться в город, а остальным остаться и помочь отряду Пэй Чжаохэна очистить поле боя. Пэй Чжаохэн также выделил своих людей для охраны Се Линъи.

Как только они вошли в городские ворота, сердце каждого сжалось от увиденного.

Некогда шумный и процветающий торговый город превратился в черные руины. Среди обломков и пепелищ толпились изможденные, желтолицые беженцы с остекленевшими глазами.

Воздух был пропитан запахом крови, нечистот и зловонием смерти. Со всех сторон доносились мольбы, плач и стоны.

— Госпожа, это... — Лю Юнь подсознательно вцепилась в рукав Се Линъи, её голос дрожал. Даже всегда невозмутимая Цин Юй побледнела.

Вдруг раздался громкий крик:

— Зерно! Это зерно! В телегах зерно! — один из беженцев с горящими глазами бросился к повозкам.

Услышав это, остальные люди, у которых ещё оставались силы, начали пробиваться к обозу. В возникшей давке край брезента порвался, мешки развязались, и рис хлынул на землю, что лишь усилило хаос.

Се Линъи бросила взгляд, и дядюшка У мгновенно понял приказ: одним ударом он сразил зачинщика.

Лю Юнь ловко метнула мягкий трос, затянула его на лодыжке другого нападавшего и с силой повалила того на землю. Цин Юй бросилась вперед и, не теряя ни секунды, вывихнула руку ещё одному зачинщику, прижав его лицом в грязь.

Толпа в ужасе отхлынула назад, образовав вокруг них пустое пространство.

Се Линъи сделала шаг вперед:

— Почтенные соотечественники, прошу, успокойтесь. Моя бабушка — госпожа Гу с горы Юньшань. Я привезла двадцать телег зерна, а государственные поставки уже в пути. Нет нужды драться, как только я доложу вашему начальству, зерно будет распределено поровну.

Она помолчала и указала на двух человек, удерживаемых Цин Юй и Лю Юнь, а также на труп на земле:

— Те, кто затеял беспорядки, были лазутчиками, мы их обезвредили. Прошу вас, не бойтесь.

В глазах людей вновь затеплилась надежда. Они начали расходиться, а некоторые даже вызвались показать дорогу к городской управе.

Обоз продолжил путь через руины.

Вдалеке, на площади перед управой, стояло несколько больших котлов. Молодой человек в бледно-зеленом чиновничьем халате, выглядевший очень хрупким, вместе с несколькими измученными стражниками пытался поддерживать порядок при раздаче каши. Рядом с ним сидел писарь, склонившись над шатким столом и в скудном утреннем свете записывая имена беженцев.

Несмотря на хаос, благодаря распоряжениям молодого чиновника, там сохранялся порядок, который выглядел чем-то чужеродным в этом гибнущем городе.

Увидев Се Линъи с обозом, чиновник поспешил навстречу:

— Вы прибыли с горы Юньшань?

Се Линъи слегка кивнула, но на душе у неё стало тяжело.

Подойдя ближе, она поняла, что этот чиновник совсем юн — почти подросток. Чиновничий халат сидел на нём мешковато, но в его глазах читалась стойкость, не свойственная столь юному возрасту.

Ланьян был богатым уездом, неужели теперь здесь остался лишь один подросток, пытающийся удержать всё на своих плечах?

— Простите, благодетельница. Я младший помощник интенданта Ланьяна, Ван Шаохэн. Все наши начальники и уездный судья пали в бою вместе с генералом Лу. Поскольку я был слишком молод, меня не пустили на передовую, поэтому теперь я здесь за главного.

Юноша был изможден, но держался с безупречным почтением.

— Господин Ван, не стоит церемоний, — голос Се Линъи был мягким. — Какова сейчас ситуация?

Ван Шаохэн глубоко вздохнул, его голос дрогнул, а глаза покраснели:

— В Ланьяне было восемь тысяч пятьсот тринадцать дворов, более семидесяти девяти тысяч человек. Сейчас удалось пересчитать лишь тысячу двести сорок три двора, осталось чуть больше семи тысяч человек.

Семьдесят девять тысяч... выжило семь тысяч. Меньше десятой части.

— Господин Ван, прошу, распределяйте зерно согласно спискам, — Се Линъи отвела взгляд, посмотрев на чаны с кашей — она была настолько жидкой, что в ней можно было увидеть собственное отражение. Это была не каша, а рисовая вода.

— Слушаюсь.

Ван Шаохэн приказал пересчитать зерно Се Линъи и объявил людям порядок получения пищи.

Когда всё было улажено, Се Линъи подозвала его:

— Господин Ван, можно вас на пару слов?

— Прошу, благодетельница.

Они вошли в здание управы.

— Вы хотите спросить, почему эта битва была такой странной? — не дожидаясь вопроса, спросил Ван Шаохэн.

Се Линъи кивнула:

— Слушаю вас внимательно.

— С того самого момента, как разбойники Фусана внезапно появились у стен города, всё казалось подозрительным. Ланьян всегда был богат, городские стены высоки, а ров глубок. Генерал Лу строго следил за дисциплиной, и морская оборона была безупречна — в прошлые годы даже мелкие банды не смели приближаться. Но в этот раз враг словно знал всё о нашей обороне: они обошли все посты, ворвались внутрь и сразу взяли нас в кольцо.

Лицо Ван Шаохэна стало тяжелым:

— Что ещё более странно — тактика генерала Лу. Раньше он всегда предпочитал сочетать

хитрость с прямою и действовать на опережение. Но в этот раз, как только началась осада, он приказал всем частям занять глухую оборону и ни при каких обстоятельствах не выходить из города. Причины этого мне, мелкому чиновнику, неведомы. Жители нашего города из-за развитой торговли не привыкли делать большие запасы зерна, всё покупали в соседних уездах. Как только нас окружили, во многих домах сразу закончилась еда.

— А продовольствие из соседних уездов? Неужели они просто смотрели, как мы погибаем?

— Не то чтобы они не хотели помочь... — Ван Шаохэн горько усмехнулся. — Ещё до начала осады, готовясь к долгому сопротивлению, генерал Лу уже занял у них всё, что можно. Благодетельница, я человек маленький, многого не вижу. Но мне всё кажется, что город пал несправедливо, а генерал Лу погиб ещё более несправедливо.

Се Линъи хотела задать ещё один вопрос, но снаружи послышался испуганный крик:

— Господин Ван! Беда! В восточной части города десять человек... их рвет, понос, и жар не спадает!

<http://bllate.org/book/19397/1899329>